

Гоар Меликян, к.ф.н.
ИАЭ

ФЕМИННЫЙ АСПЕКТ СКАЗОК ЦИКЛА «УМНАЯ ДОЧЬ КРЕСТЬЯНИНА»

Статья рассматривает вопрос феминности – женственности в народных сказках. Испокон веков женщины посвящали сказки концепту их самовыражения, укреплению их роли и места в обществе. И даже в сказках, пересказанных мужчинами, все еще можно услышать женские голоса. В статье анализируется группа сказок с активными героинями на примере сказок цикла «Умная дочь крестьянина», тип №875 по классификации Аарне-Томпсон-Утера. Героини этого цикла сказок способны принимать самые важные решения, постоять за себя и за своих близких, дать ответы на вопросы и загадки, на которые затруднялись ответить мужчины. Героини в этих сказках не только красивы, добры, но также находчивы, умны и храбры. Они не воюют с обществом, а просто используют свой ум и интеллект, чтобы добиться желаемого. Посредством интерпретации формульных загадок и аллегорий героиня раскрывает себя, выражает свои мысли, эмоции и нравственные ценности. В этом цикле сказок на первый план выдвигаются отношения женщины и мужчины в виде семантических бинарных оппозиций. В армянском корпусе находим 22 варианта сказок данного цикла, собранных из разных регионов Армении. Эти сюжеты мы сводим к чисто женским сказкам, где женщины манипулируют речью, проявляют смекалку для утверждения своих позиций и завоевания лучшего положения.

Ключевые слова: народная сказка, феминность, активная героиня, женский голос, субъект сказки, объект сказки, аллегория, загадка, образное выражение.

Введение

Целью данной статьи является рассмотрение вопроса феминности – женственности в народных сказках, на примере цикла сказок «Умная дочь крестьянина», тип №875 по классификации Аарне-Томпсон-Утера¹. Под феминностью мы понимаем «комплекс характеристик, связанных с особенностями женского пола (характерные формы поведения, ожидаемые от женщины в данном обществе, или социально определенное выражение того, что рассматривается как позиции, внутренне присущие женщине)»².

В статье не ставится вопрос о гендерном приоритете того или иного пола в жанре сказки. Ясно, что народные сказки никому не принадлежат, и любой тип или мотив может быть пересказан с особыми акцентами и адаптирован к нуждам как мужчин-рассказчиков и слушателей, так и женщин, и вопрос об авторстве народной сказки когда-либо не выдвигался.

1 Uther 2011, 494.

2 Феминность // Энциклопедический словарь «Слово о человеке» <http://www.slovochel.ru/feminnost.htm>

Однако отметим, что женщины играют важную роль в контексте сказки и как героини, вокруг которых сплетаются повествования, и как рассказчики, которые рассказывают истории, обычно для определенной аудитории, преследуя определённые цели. Так, есть много данных о том, что сказка – это исключительно женский жанр. Независимо от типа сказки можно сказать, что женщины по природе своей и по роду деятельности (мамы, няни, бабушки) более расположены быть рассказчицами. Говорить и рассказывать – это их прерогатива.

Проблема пола рассказчика и собирателя

Испокон веков женщины посвящали сказки концепту их самовыражения, укреплению их роли и места в обществе³. И даже в сказках, пересказанных мужчинами, все еще можно услышать женские голоса⁴. Наши собственные наблюдения показывают, что женщины – превосходные рассказчицы, однако мужчины доминируют в деле распространения и публикации сказок. Яков Гримм в своей работе «Немецкая мифология», опираясь на фольклорные и исторические источники, повествует о многочисленных легендах и традициях, «которые передавались веками от отца сыну»⁵. Он практически игнорирует тот факт, что, по крайней мере, 80 процентов сказок сборника «Детские и семейные сказки» (1812–1815) были собраны женщинами. Почти такие же данные можно найти и в других европейских сборниках.

В 18-ом веке, когда жанр сказки стал популярным, первыми собирателями и редакторами были мужчины. В свои сборники они включали именно те истории, в которых женщины слабы и беззащитны, поскольку в ту пору женщины не могли заявлять о своих правах, хотя профессиональные рассказчицы именно в сказках находили способ самовыражения.

В семидесятые годы американская исследовательница Элисон Лури опубликовала статью «Освобождение сказки», где она выразила мысль, что сказки могут помочь женщинам в деле эмансипации и освобождения от стереотипов, поскольку некоторые сказки демонстрируют модель сильной женщины⁶. Она считает, что женские персонажи в сказке могут менять судьбы людей. Женщины, кажется, контролируют сюжет сказки своими поступками и изображением сильных женских характеров⁷.

Феминисты утверждают, что подчиненные женщины в большинстве сказок уже стали серьезной идеологической и культурной проблемой. В последнее

3 Маргарет Милс изучила связь между полом рассказчика и сказкой, чтобы доказать правильность своей идеи, «что мужчины более расположены повествовать сказки о мужчинах, тогда как женщины рассказывают о женщинах и мужчинах. Очевидно, что между мужчинами и женщинами наблюдалась жанровая специализация [Haase 2008, 1039].

4 Warner 1994, 112.

5 Гримм, 1987, 56.

6 Haase 2004, 1.

7 Haase 2004, 1.

время стали популярны феминистические исследования (Андреа Дворкин, Сюзан Браунмиллер), которые критически относятся к сказкам. В них указывается на пассивность и инертность главных героинь, которые, якобы, не проявляют никакой инициативы, бездействуют и только ждут, когда их спасут, позовут замуж или подарят пробуждающий поцелуй. Они преследуются мачехами, их похищают драконы или они впадают в сон, который длится сотнями лет. (Даже существуют популярные статьи, которые публикуются в прессе и в социальных сетях, например, «5 причин почему не надо читать сказки девочкам»). В подобных статьях говорится о том, что маленьким девочкам не следует читать сказки, что они плохо влияют на их психику, поскольку провоцируют бездействие, учат инертности и т. д.⁸

«Активные героини»

Однако не следует забывать, что существует огромное количество сказок с так называемыми активными героинями, которые способны принимать самые важные решения, постоять за себя и за своих близких, найти ответы на вопросы и загадки, на которые затруднялись ответить мужчины. Героини в этих сказках не только красивы и добры, но также находчивы, умны и храбры.

Как писал М. Бахтин, когда мы пересказываем язык другого, когда меньшинство перенимает язык большинства, слова становятся двухголосыми, они добавляют наше понимание и нашу оценку, но связь между двумя голосами может быть очень разной⁹.

Бахтин не отделял мужской или женский голос, однако ясно, что одной из самых значимых форм изменения голоса может считаться именно передача голоса посредством изменения пола передающего.

Хорошим примером, демонстрирующим «маневры» женщин по отношению к мужчинам, могут являться сказки с так называемыми «активными героинями», где героиня сама контролирует свою собственную судьбу и, что самое главное, она выбирает, а не «выбирается»¹⁰.

Сказки с активной героиней большей частью представляют утопические штампы в таких историях. Для женщин в традиционных обществах утопическая ситуация была той, где женщина могла выбирать или не выбирать своего партнера и где брак означал любовь, но, что более важно, равенство и уважение. Активная героиня в сказке намеревается построить свою жизнь, изменить правила в свою пользу. Однако это не процесс захвата или борьбы, а «детерриториализация». Героиня не воюет с обществом, она просто использует свой ум и интеллект, чтобы добиться желаемого.

8 <http://www.independent.co.uk/life-style/health-and-families/fairy-tales-children-stop-reading-parents-body-image-gender-roles-women-girls-sexism-a8067641.html>

9 Bakhtin 1973, 161–162.

10 В парадигматическом плане архетипичным рассказчиком можно считать Шахерезаду, которая, всячески обманывая своего слушателя, пыталась удержать свою позицию рассказчика и избежать смерти.

Здесь можно проследить явление, которое Джулия Кристиева, характеризуя карнавал, называет «трансгрессией», то есть нарушением логических, социальных и лингвистических кодов, и считает, что коды можно нарушать, поскольку допускаются иные нормы, иные законы¹¹.

Исследования Кристиевой по средневековому романсу показывают, что женщины играли главную структурную роль, которая впоследствии была обесценена. Вместо того чтобы быть субъектом, женщины стали объектом, «псевдо-центром», используемым мужским «я» для подтверждения собственных достоинств. Так, если женщина восстает против вытеснения своей роли, ее простейшим решением является смещение ролей или «децентрализация»¹². Ей ничего не остается кроме манипулирования речью и посредством лингвистических и логических уловок – захвата положения, то есть происходит инверсия лингвистической позиции (к примеру, решение загадок в повествовании).

Особое проявление феминности, а также способность женщины манипулировать речью встречаем в группе сказок «Умная дочь крестьянина» («The Clever Farmgirl»), под номером 875 по системе классификации сказок Аарне-Томпсон-Утера. Пожалуй, это одна из самых запутанных групп, включающих много вариаций и подгрупп. Сказки здесь сплетены из различных эпизодов, но все сводится к тому, что простая девушка своим умом, смекалкой и умением разгадывать загадки и интерпретировать формульные аллегории добивается высокого положения или выходит замуж.

«Умная дочь крестьянская»

В европейской традиции известна сказка Братьев Гримм «Умная дочь крестьянская» из первого издания второго тома «Детских и семейных сказок» (1815). Однако данная группа сказок более популярна в восточной сказочной традиции. Если учесть предположение, что система классификации сказок Аарне-Томпсон-Утера слишком евроцентрична и не охватывает весь спектр сказок из восточных регионов, то этим и можно объяснить, почему данный сюжет не так популярен в европейской традиции. Кроме того, аллегории и загадки соответствуют умению образно выражаться у восточных народов, они занимают важное место в словесности Востока¹³.

В этих сказках происходит некая «метафоризация» мифопоэтической мысли, способная представлять социальные категории и отношения посредством «образов» из окружающей среды и обратно «зашифровывать» природные отношения социальными¹⁴.

11 Kristeva 1980, 50.

12 Kristeva 1980, 50.

13 Илларионов и др. 2008, 462.

14 Элемент человеческого мира составляет пару с элементом природным, например, души новорожденных ассоциируются с листьями, свежей водой и т.д., которые становятся их знаками. Такая взаимная «метафоризация» природных и социальных объектов и процессов

В восточной традиции вариаций этого типа сказок больше, а также наблюдаются некоторые трансформации в сюжетной линии. В большинстве вариантов умную девушку, которая способна интерпретировать аллегорические загадки или высказывания, находит отец для своего глупого сына. Героиня решает все семейные проблемы своей смекалкой и спасает и мужа, и свекра. Посредством интерпретации формульных загадок и аллегорий героиня выражает свои нравственные ценности, оценки, мысли и эмоции.

В этом цикле сказок на первый план выдвигаются отношения женщины и мужчины в виде семантических бинарных оппозиций, которые, по мнению Мелетинского, являются «кирпичиками» мифологических символических классификаций¹⁵.

Армянские варианты

В Армянском корпусе сказок находим 22 варианта под общим номером 875 «Умная девушка» в трех подгруппах. В общем сюжете цикла девушка помогает визирю решить загадки, заданные королем, тот присваивает ответ, однако король узнает, кто действительно нашел ответ, повторяется цикл решения загадок, девушка опять проявляет смекалку, король берет в жены простую девушку.

Интересен армянский вариант подгруппы Д номера 875. В международном каталоге данная подгруппа называется «Молодая девушка в конце пути», где во всех вариантах героиня – женского пола. В нашем корпусе это довольно большая подгруппа, которая разделена на две части в соответствии с изменением пола героя. Первая часть озаглавлена «Мудрый парень», где герой – молодой человек, единственный долгожданный сын своих родителей, и именно он выполняет функции главного героя, решает загадки, проявляет смекалку. Эта часть подгруппы имеет 9 вариантов. Вторая часть подгруппы имеет 2 варианта и называется «Умная девушка», она в точности соответствует указателю типов сказок¹⁶.

Изменение пола героя в данной подгруппе может быть связано с национальными особенностями, почитанием мальчиков в армянской семье, их приоритетными позициями. Кажется, рассказчики вольно или невольно поменяли пол героя, поскольку именно парень выступает в качестве главного героя, что для них является более приемлемым вариантом в сказке. Здесь находим контaminaцию сюжетов, явное смещение акцентов, где на первый план выступает

имеет место и в древних обществах, сохранивших пережитки тотемизма [Мелетинский 2000, 232].

15 В народной сказке и в мифологической системе в целом, по мнению Мелетинского, не мотивы играют главную роль в структуре сказки, а отношения в виде семантических бинарных оппозиций, которые являются «кирпичиками» мифологических символических классификаций [Мелетинский 2000, 230]. Эти оппозиции могут иметь самые различные проявления в сказке (как верх / низ, близкий / далекий, светлый / темный, свой / чужой, мужской / женский. Их восприятие отчетливо ощущается через контрасты их качеств и таким образом подвергается простейшему анализу и классификации.

16 Один вариант сказки из VIII тома Армянских народных сказок «Միամիտ գեղցու խելոր արջիկը [ՀԺՀ-8, 586–591], другая сказка из сборника Амшенских сказок Акоба Гуруняна «Բարը հընո խելը լիառ թոռ արջիկը» [Գորմուշյան 1991, 209–210].

юноша, иногда рожденный «чудесным зачатием» (рожденный из выпитой воды, которая собралась в следах копыт волов, рожденный от пыли, или после совершения благотворения).

В остальных вариантах, в которых героиня – девушка, о чудесном рождении героя ничего не упоминается.

Почти во всех вариантах изначально упоминается, что у бедняка была умная дочка, например, в сказке из Гугарка (Лори) «Միամիտ գեղցու խելոք տղջիկը», – «էդ տան տղջիկը շատ խելոք էր, տանտէն ու շատ էր սիրուն: Շատ էլ ծերը էրան հարսն հարսն էլ, տան տղջիկը իր խելով ու շնորով տղ գեղունք գովական էր»¹⁷:

Героиня интерпретирует ряд аллегорических формульных высказываний, которые почти во всех вариантах одинаковые – как в армянских, так и в международных. Первая аллегория – когда старику предлагают стать мостом, чтобы они перешли через реку. Девушка объясняет, что речь шла о том, чтобы один из них перенес другого через реку на спине. Следующее образное выражение – когда старику предлагали стать лестницей и перейти горы. Девушка объясняет, что это означало рассказывать сказки, чтобы скоротать время.

Мотив интерпретации аллегорий и символика очага

В сказочной традиции мотив интерпретации аллегорий и образных выражений встречается в самых различных культурах и в различных нарративах. Например, в кельтской сказке «Строитель Гоб» Гоб берет с собой на работу сына и просит уже уставшего в дороге сына перенести его через горы. Сын отказывается, он ослабел и устал, и они возвращаются домой. Так продолжается несколько дней, пока жена Гоба не узнает об этом, и тогда она советует – как только отец опять попросит перенести его через горы, надо рассказать ему одну из тех сказок, которые она сама каждый день им рассказывает. Когда сын внял совету матери, они перешли все горы. Гоб был очень рад и сказал, что сын легко перенес их обоих через горы¹⁸.

По сюжету и по типу это совершенно различные сказки, однако роль женщины, хотя и имплицитно, подчеркивается. Именно мать находит выход из сложного положения, из недопонимания между отцом и сыном.

В армянском корпусе интересна концовка сказок об умной дочери. В некоторых вариантах девушка и красива, и умна, только гости не могут понять, почему у них дымоход на крыше стоит несколько криво. «Միայն չէրի հասկանում էի ընչի՞ցն ա, շատ տանջելոցն ա, թե մորոց ա, աշքերի միրը վախիւր-վախիւր շլորթոյն ա շանց տալի: ... Օրախը շատ լաւի ա, տան բան կարգին, տարգին՝ թե ներսից, թե դուրսից, տան տալիս որ օշախի բրնձաբլիթը մի քիչ, մի այնպիսի ծոռն ա»¹⁹.

Домашний очаг – самое распространенное образное выражение семьи, от очага в доме зависит его благополучие и продолжение рода. В жены нужно брать

17 ՀԺՀ-8, 586:

18 СВК 1988, 14: «Строитель Гоб».

19 ՀԺՀ-8, 590:

такую девушку, которая зажжет этот очаг и будет ответственна за него, и если что-то с очагом в доме будет не так, то у этой семьи нет будущего.

Девушка не может бездействовать, ведь она сама мастер острословия. На замечание гостей девушка точно и образно отвечает, что дымоход немного кривой, однако дым оттуда выходит четко и регулярно. «Մեր փարփալորը դնւաիւիւի, դրք քիւրաւիւի ծննդաւնը միք մըրիկ անիւ, ալ անդոր թաւաշ տրեք, թե՛ ծուխը ուց ա թարազ դու փախու...»²⁰.

Девушка объясняет, что главное не форма, а содержание, она готова разжечь новый очаг, то есть создать новую семью и сделать все для благополучия семьи.

Интересно, что вышеприведенная аллегория настолько закрепились в памяти и мышлении народа как словесная формула, что перешла и в другие жанры, ассимилировалась, например, в анекдот, а иногда и рассказывалась как реальная юмористическая история, пример острословия. В некоторых регионах она использовалась при смотринах девушек перед замужеством: если жениху или его родственникам девушка не нравилась, у нее находили какой-либо недостаток, то говорили, что дымоход в доме кривой. На что девушка или ее родственники отвечали, что она настолько умна, что сможет создать правильную семью и разжечь очаг в любом доме²¹.

Обычно аллегории основываются на уподоблении частей в силу сближения макро- и микрокосмоса. Отметим, что поскольку мы не проводили стилистического анализа, то перед нами были не метафоры, а знаки и мифологические символы. В основе мифологических символов лежат не образные сравнения, а известные отождествления²², имеющие скрытый житейский и философский смысл.

Эти сюжеты мы сводим к чисто женским сказкам, где женщины манипулируют речью, проявляют смекалку для утверждения своих позиций и завоевания лучшего положения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Первоисточники

ԳՈՒՐՈՒՆՅԱՆ 1991

Գորոնյան Հ.Թ., Համշենահայ բանահյուսություն, Երևան, «Լույս», 1991:

ՀԺՀ-8

Հայ ժողովրդական հեքիաթներ, հ. 8 (կազմողներ՝ Ա. Մ. Նազիկյան, Ռ. Հ. Գրիգորյան), ՀՍՍՀ ԳԱ Հնագիտության և ազգագրության ինստիտուտ, Երևան, ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., 1977, 904 էջ:

20 ՀԺՀ-8, 590.

21 За данную информацию благодарим Асмик Галстян.

22 Трудность подобных разграничений между условно-поэтической образностью и абсолютными отождествлениями связана с тем, что предметы, став символами, не перестают оставаться самими собой и не теряют своей конкретности, и что классификационные сближения несут вместе с собой определенный эмоциональный заряд и поведенческие установки. Более приемлемо понятие «кода» как средства выражения, языка описания [Мелетинский 2000, 232].

Исследования

ГРИММ 1987

Гримм Я., Немецкая мифология // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX – XX вв. (Трактаты, статьи, эссе), Москва, МГУ, 1987, 54–71.

ИЛЛАРИОНОВ и др. 2008

Илларионов В.В., Дьяконов Ю.Н., Мухомлева С.Д., Якутские народные сказки, т. 27. Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока, Новосибирск, «Наука», 008.

МЕЛЕТинский 2000

Мелетинский Е.М., Поэтика мифа, Москва, «Восточная литература», 2000.

СВК 1988

Сквозь волшебное кольцо. Британские легенды и сказки (составитель не указан), Москва, "Правда", 1988, 480 с.

BAKHTIN 1973

Bakhtin M. M., Problems of Dostoevsky's Poetics (transl. R. W. Rotsel), Ardis, 1973.

HAASE 2004

Haase D. (edit.), Feminist Fairy-Tale Scholarship // Fairy Tales and Feminism: New Approaches. Wayne State University Press, 2004, 1–36.

KRISTEVA 1980

Kristeva J., Word, Dialogue, and Novel // Desire in Language (ed. Leon S. Roudiez, tr. Thomas Gora et al.), New York, 1980, 64–91.

UTHER 2011

Uther H. J., The Types of International Folktales. A Classification and Bibliography, vol. 1, FF Communications, Helsinki, Academia Scientiarum Fennica, 2011, 285 p.

WARNER 1994

Warner M., From the Beast to the Blonde, On Fairy Tales and Their Tellers, London, "Chatto and Windus", 1994.

Գոհար Էդուարդի Մելիքյան, ք.գ.թ.*Հնագիտության և ազգագրության ինստիտուտ***ԿԱՆԱՑԻՈՒԹՅԱՆ ԱՐՏԱՑՈՒՄԸ****«ԳՅՈՒՂԱՑՈՒ ԽԵԼԱՑԻ ԱՂՋԻԿԸ» ՀԵՔԻԱԹԱԽՄԲՈՒՄ**

Հիմնաբաներ՝ ժողովրդական հեքիաթ, կանացիություն, գործուն հերոսուհի, կանացի ձայն, հեքիաթի սուրյեկտ, հեքիաթի օբյեկտ, այլաբանություն, հանելուկ, պատկերավոր արտահայտություն:

Հոդվածում արծածվում են հայ ժողովրդական հեքիաթներում առկա պատկերացումները՝ հերոսուհիների ողջախոհության, հնարամտության ու կանացի հմայքի մասին: Հնագույն ժամանակներից սկսած՝ կանանց պատմած հեքիաթները միտված են եղել կնոջ ինքնահաստատմանը, հասարակության մեջ նրա դերի և դիրքի ամրապնդմանը: Հատկանշական է, որ անգամ տղամարդ ասացողների վերապատումներում տեսանելի է կանանց դերի արժևորումը: «Գյուղացու խելացի աղջիկը» հեքիաթի օրինակով վերլուծվում է գործույթա հերոսուհիներ ունեցող մի հեքաթախումբ, որի՝ Հայաստանի պատմագագրական տարբեր շրջաններից գրառված 22 տարբերակները

համապատասխանում են Աարնե-Թոմփսոն-Ութերի հեքիաթների միջագային նշագանկի 875 թվահամարին: Այս հեքիաթախմբի հերոսուհիները ինքնաբավ են, ընդունակ են իրենց կայացրած որոշումներով պաշտպանելու թե՛ իրենց և թե՛ իրենց հարազատներին, լուծելու հանելուկներ, որոնց պատասխանները հաճախ տղամարդկանց չի հաջողվում գտնել: Այս կանայք ոչ միայն գեղեցիկ են, բարի, այլև՝ խելացի, ճարպիկ ու քաջ: Հերոսուհին հակասության մեջ չի մտնում հանրության հետ, բայց որպեսզի հասնի իր նպատակին՝ օգտագործում է իր կանացի հմայքն ու բնատուր մտավոր ընդունակությունները: Բանաձևային հանելուկների իմաստաբանության միջոցով նա բացահայտում է իրեն, արտահայտում իր մտքերը, զգացմունքները և բարոյական արժեքները: Այս հեքիաթախմբի բնագրերում առաջնային կերպով արտացոլված են կին-տղամարդ հարաբերությունների հիմնական հակադրազույգերը: Այս պլոթները պատկանում են այն հեքիաթների շարքին, ուր կինը իմաստավոր խոսքով հնարամտորեն արտահայտում է իր դիրքորոշումը՝ հասարակության մեջ շահեկանորեն ամրապնդելով իր կարգավիճակը:

Dr. Gohar E. Melikyan

Institute of Archaeology and Ethnography

THE ASPECT OF FEMININITY IN THE “CLEVER FARMGIRL” FOLKTALE CYCLE

Keywords: folktale, femininity, active heroine, woman's voice, object of a tale, subject of a tale, allegory, riddle, figurative expression.

The article discusses the issue of femininity in folktales. It is well known that women play an important role in the context of folktales. They have devoted folktales they tell to the concept of their self-expression, to strengthening their role and place in society. Even in folktales retold by men, women's voices still can be heard. Nowadays there is a tendency to criticize classical fairytales for the passive role of heroines in them. We consider it to be an issue of unawareness of existence of tales with active heroines. The article analyses “The Clever Farmgirl” cycle of folktales (Tale Type N 875 according to Aarne-Thompson-Uther's classification of folktales) with an active heroine. Heroines in these tales are capable of making the most important decisions, standing for themselves and for their families, finding answers to riddles and questions that men could not find answers to. Heroines in these tales are not only beautiful and kind but also inventive, intelligent and brave. They are not at war with society; they are just using their wits and intelligence to get what they desire. By interpreting allegories and solving riddles they reveal themselves, express their thoughts, emotions as well as moral values. Tales with active heroines mostly represent utopian ideas. A situation when a woman could choose a partner for her and when marriage meant love, equality and respect was considered utopian. Active heroines intend to create their own life and to change the rules of the game. In the mentioned cycle the relations between women and men in the form of semantically binary oppositions come to the fore. In Armenian corpus of folktales there are 22 variants of tales indexed as “The Peasant's Wise Daughter” collected from different ethnographic regions of Armenia. Almost in all of them the plot is the same with some variations. Girls interpret allegories and formula riddles which meant family life and marriage. According to our research, these tales are feminine in their nature, where women manipulate with the help of their speech and wit in order to win a better position.

